

ИМПЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВ КРАЙОНОВ

Том IV

Арон
Родович

18+

Арон Родович
Имперский Детектив
Крайонов. Том IV
Серия «Имперский детектив
Крайонов», книга 4

*<https://litres.ru/73421968>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Отец оставил мне шесть ключей и ни одного объяснения.

Первый открыл ворота, за которыми стоял дом, которого нет ни на одной карте. Второй — дверь, за которой горел свет в комнате, куда никто не входил семь лет. Третий — папку с письмом, где моё имя написано почерком мертвеца.

Три ключа — три вопроса. Остался ещё один. И я уже не уверен, что хочу знать, что он открывает.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Арон Родович Имперский Детектив Крайонов. Том IV

Глава 1

Я посмотрел на ворота и понял, что у меня проблема.

Кованые, высокие — метра три, может больше. Когда-то, лет сто или двести назад, кто-то вложил в них душу: витые прутья, чугунные листья, завитки, перекладина с узором, который я не мог разобрать — ржавчина и мох сделали свою работу. Створки массивные, тёмные от времени, притёртые друг к другу без зазора. Цепь обмотана вокруг прутьев в три оборота и стянута замком — тяжёлым, амбарным, побуревшим от дождей. Я ухватился за прут и подёргал. Ни миллиметра люфта. Мёртво.словно кто-то закрыл их полвека назад и решил, что открывать больше незачем.

По бокам тянулся забор, и я прошёл вдоль него, изучая. Кирпичный — из тёмного, старого кирпича ручной формовки, какой давно никто не производит. Я провёл пальцем по кладке: шершавая, тёплая от солнца, и под пальцем чувствовались зимы, дожди, ветра, впитавшиеся в этот кирпич. В некоторых местах кладка просела — корни подлезли снизу

и подняли фундамент. В других — вспучилась, и кирпичи торчали под углом, как кривые зубы. Поверху когда-то шла кованая решётка, но от неё остались ржавые пеньки и обломки. Весь забор, насколько я мог видеть, был увит плющом и девичьим виноградом, зелень цеплялась за каждый выступ, лезла из каждой щели, обвивала каждый столб. Местами листья стояли так густо, что кирпич угадывался только по форме, и стена казалась живой, дышащей. Территория за забором уходила в лес. Я прикинул на глаз — не меньше гектара. Может, полтора. Точнее определить мешали деревья — они стояли плотно, и разглядеть за ними что-нибудь я не мог.

Уютненько. Осталось только привидение для полного комплекта.

— Ну и крепость, — сказал Женя за моей спиной. Он вышел из машины и подошёл, сунув руки в карманы. — Давно сюда никто не заглядывал.

Чешир прыгнул с моей шеи и деловито потрусил вдоль забора, обнюхивая основание. Дошёл до ворот, вернулся, потёрся о мою щиколотку и сел рядом. Уши повернуты вперёд, ноздри подрагивают. Через касание — привычное ощущение чужой мысли в голове:

«Старое. Очень старое. И трогать — не хочется.»

— Тебя никто не просит трогать, — пробормотал я. — Сиди.

Я достал из кармана связку ключей — шесть штук, наследство из банковской ячейки. Покрутил в руках, разгляды-

вая. Три одинаковых, современных, с зубчатой нарезкой — от какого-то нового замка, и дубликаты говорили о том, что отец боялся потерять доступ. Один — длинный, старинный, с фигурной бородкой, из тех, какими в фильмах открывают двери замков. Один — маленький, тонкий, почти игрушечный, непонятно от чего. И последний — странный, непохожий на остальные: короткий, массивный, с необычной формой, которую я пока не мог привязать ни к одному типу замка. Я посмотрел на ворота — широкая скважина, амбарный формат. Попробовал один из современных. Не лезет. Маленький — мимо. Взял длинный, старинный — и он скользнул в скважину целиком, мягко, с тихим щелчком. Я бы поклялся, что замок его узнал.

Повернул. Дужка открылась — со скрежетом, роняя крошки ржавчины. Я снял замок, размотал цепь. Тяжёлая, звенья толстые, каждое с палец. Бросил на землю, ухватился за правую створку и дёрнул.

Створка стояла на месте — я мог бы с тем же успехом дёргать скалу.

Упёрся ногами, потянул сильнее. Створка стояла. Петли проржавели насквозь, нижний край врос в грунт, мох зацементировал стыки. Я дёрнул ещё раз — с таким же успехом я мог бы тянуть стену.

— Блин, — сказал я, вытирая руки о джинсы. — Чувствую, мы сюда не заедем.

Женя подошёл, присел на корточки у петель, ковырнул

ногтем ржавчину. Поцокал языком. Жест, который я видел у него каждый раз, когда он осматривал что-то механическое. Так другие люди крутят подбородок или чешут затылок, а Женя цокал.

— Ну слушай, если что дёрнем, — сказал он. — Главное, чтобы они открывались на нас. Таранить я их не собираюсь. Я за свою восьмёрку головой отвечаю.

— Кстати, о восьмёрке, — сказал я. — Женёк, а чего ты у отца машину не возьмёшь? Всё-таки принц, единственный сын, у папы в гараже наверняка двадцать штук стоит.

Женя посмотрел на меня. В глазах мелькнуло что-то... раздражение, смущение, привычная неловкость, которая появлялась каждый раз, когда кто-то касался его семьи и титула.

— Я думал, — сказал он. — Много раз. Но я ему слово дал, когда уходил. Сказал, я сам. Своими руками. Его деньги, его имя, его гараж для меня мимо. — Он провёл ладонью по пруту ворот, машинально, как гладят собаку. — Восьмёрка моя гордость. Я её собрал. Починил. Содержу. Если я приду и попрошу, значит, всё, что тогда сказал, было враньём. А я не вру.

Последние два слова он произнёс тихо, ровно, и я услышал в них то, что слышал у Жени редко, настоящую жёсткость. Тему я закрыл.

— Понятно. Ладно, давай дёргать.

Женя вернулся к машине, открыл багажник. Я услышал

звук переключаемого железа — он рылся в хаосе из инструментов, тряпок и запчастей, который называл «организованной системой хранения» и который на самом деле был свалкой. Вернулся с тросом в одной руке и жёлтым баллоном в другой.

— Проникающая смазка, — сказал он, тряся баллон. — Ржавчину не снимет, но петли разойдутся.

Стоял и наблюдал, как он работает, присел у правой створки, сунул распылитель в щель между петлёй и штырём, нажал. Зашипело. Маслянистая жидкость потекла по металлу, просачиваясь в стыки. Все четыре петли — правая створка, левая, верхние и нижние крепления. Быстро, уверенно, с привычкой человека, который провёл с железом больше времени, чем с учебниками. Хотя с учебниками Женя тоже дружил, просто об этом не рассказывал.

— Дай пару минут, — сказал он. — Пусть проникнет. Потом дёрнем.

Кивнул, отошёл на шаг и осмотрелся. Лес стоял вокруг нас, тёмный, частый, молчаливый. Птицы затихли, ветер не добирался сюда через кроны. Только Чешир, который сидел на камне у обочины и вылизывал лапу с видом существа, которому всё происходящее глубоко безразлично.

Женя достал трос — стальной, с крюками на концах, толстый, рассчитанный на буксировку грузовиков, а не открытие чугунных ворот. Один конец он зацепил за прут у основания правой створки, обмотал дважды, закрепил крюк так,

чтобы при натяжении он не соскочил и не прилетел кому-нибудь в лицо. Второй — за фаркоп восьмёрки. Подёргал — крюк сидел плотно, трос не скользил. Я подёргал со своей стороны и убедился, что узел выдержит. Трос провисал между машиной и воротами ленивой стальной дугой.

— Отойди, — сказал он. — Если трос лопнет — я за твою голову не отвечаю. Он стальной, под натяжением хлещет как бритва. Видел однажды — мужику полщеки снесло.

Я отступил за ближайший дуб, обхватил ствол ладонью, выглянул. Чешир, умнее нас обоих, давно забрался на камень и смотрел оттуда жёлтыми глазами — с безопасного расстояния и с видом зрителя, который купил лучшее место в партере.

Женя сел за руль. Заглушил музыку. Опустил стекло, высунул голову, проверил трос ещё раз. Потом включил первую передачу и дал газу.

Восьмёрка взревела — надрывно, хрипло, с тем насадным рыком, который появляется у старых двигателей, когда от них требуют больше, чем они согласны давать. Передние колёса прокрутились вхолостую, раз, два, выбросив из-под себя фонтан земли и мелкого гравия. Запахло горелой резиной, едкий, химический запах ударил в ноздри, и я отвернулся, прикрыв нос рукавом. Знакомая вонь: гаражи, автосервисы, подростковые дрифты на пустырях. Покрышки плавись на месте, не находя сцепления. Женя сбросил газ, подождал секунду, снова дал в этот раз плавнее, с прокруткой

сцепления, как делают люди, которые знают, что двигатель не любит рывков, но иногда рывок является единственный способ.

Трос натянулся. Я увидел, как он мелко задрожал, на грани видимости, как с него слетели капли росы и крошки ржавчины. Стальная струна, натянутая между машиной и чугуном. Фаркоп скрипнул, восьмёрка присела на задние амортизаторы, и я на секунду подумал, что сейчас оторвёт либо фаркоп, либо прут ворот, либо и то, и другое.

Створка дрогнула.

Скрежет ударил по зубам. Это был долгий, металлический, мерзкий звук, такой, от которого хочется зажать уши и уйти. Створка поехала, сантиметр, пять, десять. Нижний край прочертил по грунту дугу, вырывая дёрн, корни, траву. Из-под чугуна полезли мокрые комья земли. Петли стонали, ржавчина сыпалась хлопьями рыжей пылью, которая оседала на кустах, на камнях, на моей куртке. Я чувствовал запах ржавого металла — специфический, кислый, и от него во рту появился привкус — так бывает, когда прикусишь язык. Женя дал ещё газу, восьмёрка рывкнула, и створка открылась на полметра, на метр, — и упёрлась в корень, выпиравший из земли. Машину дёрнуло, трос провис. Женя тут же аккуратно, без рывка, сбросил газ, чтобы не хлестнуло.

Вышел. Осмотрел зазор, он вышел сантиметров девять-десять, может метр. Присел, посмотрел на корень. Толстый, узловатый, вросший в землю намертво. Качнул головой.

— Не пролезу. Мне нужно метр два минимум. Нужна вторая створка.

Перецепил трос на левую. Я помогал, держал крюк, пока он заводил петлю вокруг прута, и руки у меня были уже грязные, в ржавчине и масле от цепи. Та же процедура: натяжка, рёв, скрежет. Левая поддалась легче, петли оказались чуть живее, может смазка успела проникнуть глубже, и створка открылась шире, почти на полтора метра. Восьмёрка рыкнула напоследок и затихла. От передних колёс поднимался лёгкий дым, резина остывала.

Женя заглушил мотор, встал между створками, прикинул проём.

— Впритык, — сказал он. — Зеркала сложу — пролезу. Но слушай, давай их сразу раскатаем.

— Раскатаем?

— Руками. Смазка вошла, петли разошлись — сейчас они пойдут. Три минуты, зато сделаем нормально. Во-первых, не хочу оставлять распахнутыми, проедет кто-нибудь мимо, увидит, полезет. Во-вторых, если нам нужно будет закрыть за собой, будет лучше, чтобы они двигались.

Логично. Я кивнул, и мы встали по одному у каждой створки. Начали раскачивать туда-сюда, вперёд-назад. Петли скрипели, стонали, плевались ржавой крошкой, но двигались. Каждый качок все легче. Я чувствовал, как ржавчина ломается под напором смазки и силы, как металл вспоминает, что он является подвижной конструкцией, а не стеной.

Через пару минут обе створки ходили свободно. Со скрежежом, с сопротивлением, но ходили.

Женя развёл их на полную. Я встал в проёме и посмотрел внутрь.

Лес. Но другой. Не тот, через который мы ехали, тот был дикий, случайный, заросший подлеском. Этот лес был высажен. Деревья стояли рядами, на равном расстоянии друг от друга, и в их расположении угадывалась та же рука, которая построила ворота и забор. Липы, дубы, несколько вязов — высокие, ровные, одной толщины. Кроны сомкнулись наверху, образуя зелёный тоннель, сквозь который пробивались редкие лучи. Между деревьями был подлесок: бузина, жимолость, дикая малина, но и он рос ярусами, упорядоченно, словно когда-то каждый куст был посажен по чертежу. Природа давно взяла своё, кусты разрослись, лианы повисли между ветвями, трава захватила дорогу, но структура все равно угадывалась. Под хаосом пряталась система.

Дорога. Старая, мощёная камнем уже потрескавшимся, с травой в швах, но мощёная. Кто-то когда-то привёз сюда тонны камня и выложил полноценную подъездную дорогу через лес. На двести, может триста метров. Для одного дома. Я мысленно прикинул стоимость и бросил, в мире с магическими красками и рунной архитектурой мои калькуляции из прошлой жизни ничего не стоили.

И тут до меня дошло. Поэтому его не видно со спутника. Спутниковый снимок был сделан до того, как здесь что-то

построили. Или, учитывая возраст деревьев, задолго после, когда лес сомкнулся и скрыл всё под собой. Или кто-то позаботился о том, чтобы камеры видели лес и ничего больше. Руны, магические краски, иллюзии, я работал с Ксюшей, магом иллюзий, и знал, на что способно это ремесло. Спрятать дом от спутника, задачка для продвинутого ученика.

Чешир юркнул в проём и побежал по дороге чёрной молнией на фоне зелёного тоннеля. Остановился метрах в двадцати, обернулся. Сел, посмотрел на меня, потом вперёд, потом снова на меня. Хвост дёрнулся нетерпеливо. Слов не нужно — и так понятно: «Иди, тут интересно».

Женя завёл машину, сложил зеркала и протиснулся в проём, медленно, осторожно, морщась от скрежета веток по крыше и бортам. Я шёл впереди, перешагивая через корни и камни, вылезшие из мостовой. Подошвы кед цеплялись за мох в швах между плитами, и я чувствовал под ногами каждый камень, он был неровный, гранёный, уложенный так, чтобы держать вес повозки или экипажа. Не машины, именно экипажа. Эту дорогу строили задолго до автомобилей.

Машина ползла за мной, первая передача, двигатель урчал на холостых. Я слышал, как шины шуршат по камню, как подвеска охает на каждой выбоине, как ветки скребут по металлу. Женя ругался вполголоса, ему было жалко краску, и я его понимал.

Свет. Я поднял голову и зажмурился, после полумрака у ворот глаза привыкали тяжело. Свет падал сквозь кроны уз-

кими полосами, косыми, золотистыми от пыли и пыльцы, которая висела в воздухе. Солнце пробивалось через листву пятнами, и эти пятна двигались, ветер шевелил верхушки, и свет плавал по земле, по стволам, по моей куртке. В одном из лучей я увидел мошкарку — столбик мелких насекомых, которые крутились в золотом луче, поднимались и опускались, и от этого столбик казался живым, дышащим. Воздух пах по-другому, чем за воротами, плотнее, гуще, и я вдохнул глубже, разбирая слои: прелая листва, хвоя, грибы и что-то сладковатое, что я определил как липовый цвет. От этой смеси слегка кружилась голова, приятно, как от первого глотка вина на пустой желудок. Липы цвели, мелкие жёлтые соцветия висели гроздьями, и пчёлы гудели в кронах, низко, мерно, деловито.

Я шёл и рассматривал деревья. Дубы — старые, с корой, изрезанной временем, с дуплами, в которых могла бы поселиться семья белок. Липы — стройные, с гладкими стволами, поднимавшимися вверх на двадцать метров без единой ветки. Вязы — корявые, раскидистые, с ветвями, которые тянулись поперёк дороги и переплетались с соседними. И между ними — подлесок. Бузина с тяжёлыми красными гроздьями, жимолость с мелкими белыми цветами, кусты шиповника, дикая малина. Всё это росло ярусами — нижний, средний, верхний — и я видел в этом руку человека. Или мага. Кто-то когда-то спроектировал этот лес с точностью архитектора: каждое дерево на своём месте, каждый куст — в своём

ярусе, каждая тропинка — под нужным углом. Природа за десятилетия добавила хаоса, размыва границы, пустила лианы и сорняки, но скелет остался. И он был красивый.

Чешир, бежавший впереди, резко встал. Шерсть на загривке поднялась, уши прижались, и он развернулся влево всем телом, напряжённо, с тем замиранием, которое у кошек означает одно: опасность.

Голову развернуло влево раньше, чем я успел подумать. Тело замерло.

Метрах в тридцати от дороги, между дубами, стоял кабан. Крупный, тёмный, с щетиной, поднявшейся на загривке, и маленькими глазками, в которых плескалось злое любопытство. Он стоял неподвижно, развернувшись к нам боком, и я видел его клыки — жёлтые, загнутые, торчавшие из нижней челюсти. Килограммов сто пятьдесят живого веса. Может, двести. Зверь, от которого на открытом пространстве не убежишь.

— Женёк, — сказал я тихо, не поворачивая головы. — Тормозни.

Глава 2

Восьмёрка остановилась. Женя выглянул в окно.

— Это кабан?

— Кабан, — подтвердил я, стараясь не двигаться.

— С хрена ли здесь кабан? Мы в тридцати километрах от Москвы.

— Хороший вопрос. Задай ему.

Кабан фыркнул громко, влажно, с таким звуком, с каким фыркают раздражённые быки, развернулся и потрусил в чащу. Тяжело, уверенно, не спеша. Треск веток, шорох листвы, и всё. Тишина.

Чешир, который при появлении кабана мгновенно оказался на крыше восьмёрки я даже не заметил, когда он запрыгнул, спрыгнул обратно на дорогу, подбежал и ткнулся лбом мне в голень, я почувствовал жёсткий, короткий удар, и в голове отпечаталось:

«Большой. Невкусный. Опасный.»

После чего он сел и принялся вылизывать лапу с преувеличенным спокойствием.

— Кабан в лесопарке, — пробормотал я, двигаясь дальше.

— Следующим будет медведь. Или единорог. В этом мире я бы не удивился.

Дорога повернула плавно, полукругом, огибая особенно старый дуб с обхватом ствола метра в три. Я положил ладонь

на кору, она была шершавая, глубокие борозды, тёплая от солнца. Этому дереву было лет двести, если не больше. Оно росло здесь, когда мой прадед или прапрадед, или кто там стоял в начале рода Крайоновых, был жив. Ощущение странное. Мы были связаны через это дерево, через этот камень под ногами, через этот лес, и я ничего про эту связь не знал.

Ещё метров пятьдесят. Свет впереди стал ярче, деревья — реже. Кроны раздвинулись, и в просвете блеснуло небо — синее, летнее, с белым облаком, которое застыло над лесом и присматривало за происходящим.

Потом деревья расступились.

Ноги остановились сами. За спиной заглох двигатель, Женья тоже увидел.

Передо мной стоял дом.

Нет. Не дом. Это слово сюда не годилось, как «лодка» не годится для линкора.

Сначала я увидел двор. Круглая площадка перед фасадом, мощёная тем же камнем, что и дорога, но камень здесь был крупнее, ровнее, уложен веером, от центра к краям, с геометрической точностью. В центре был фонтан. Круглая чаша на каменном постаменте, с фигурой в центре, которую я не сразу разобрал: время, дождь и лишайник превратили её в бесформенный бугор. Я подошёл ближе, пригляделся. Птица. Какая-то хищная птица с распахнутыми крыльями то ли сокол, то ли ястреб, высеченная из камня, потемневшего до черноты. Клюв отколот, одно крыло обломано наполови-

ну, но поза читалась — взлёт, рывок, момент между землёй и небом. В чаше стояла мутная, дождевая вода, с плёнкой ряски и утонувшими листьями. Пахло болотом, сладковатой гнилью, и я сморщил нос, подумав, что фонтан придётся чистить первым делом, если я вообще собираюсь здесь жить.

За фонтаном стоял особняк, и у меня перехватило дыхание.

Каменная громада из серого камня, потемневшего от веков и дождей до цвета грозовой тучи, старая, готическая, с той суровой красотой, которая не пытается нравиться. Два с половиной этажа, если считать мансарду с узкими окнами-бойницами. Фасад — широкий, вытянутый, с центральным ризалитом, который выдавался вперёд и завершался треугольным фронтоном. Стены покрыты лишайником и выюном, который забрался до самой крыши, цепляясь за контрфорсы, за карнизы, за водосточные трубы, которые давно оторвались и висели ржавыми хвостами. Окна — вытянутые, остроконечные, с каменными переплётками в форме трилистников. За стёклами стояла темнота — глухая, плотная, из тех, в которую хочется кинуть камень, чтобы проверить, вернётся ли звук. Некоторые стёкла были целые, но мутные, с радужными разводами от старости. Другие были разбиты, и вместо них зияли чёрные дыры, из которых торчали ветки плюща, словно дом дышал через эти раны.

Над входом была каменная розетка с орнаментом. Я прищурился, пытаюсь разобрать рисунок: переплетённые ветви,

листья, и в центре та же птица, что на фонтане. Сокол? Ястреб? Родовой герб? Я сделал мысленную пометку, нужно разобраться.

По углам фасада были две башенки, восьмигранные, увенчанные острыми шпилями. Правый шпиль стоял ровно, на его верхушке сидел флюгер со всех сторон проржавевший, застывший в одном положении. Левый накренился градусов на пятнадцать и держался на честном слове и паре каменных блоков, которые ещё не выпали из кладки. Однажды он упадёт. Вопрос — когда.

Крышу я разглядел, задрав голову, она была черепичная, потемневшая до цвета мокрой земли, просевшая в нескольких местах, обнажив деревянную обрешётку, почерневшую от влаги. Кое-где на крыше росла трава, выделявшаяся зелёными клочками на тёмном фоне, они были дерзкие, упрямые, живучие.

Ступени перед входом — широкие, каменные, пять штук. Я поднялся по ним и почувствовал каждую под ногами, до сих пор крепкие, несмотря на трещины, из которых лезла трава и мелкие папоротники. Хорошая кладка. Та, что переживает столетия.

Я поднялся по ним и остановился перед дубовыми массивными дверьми в два человеческих роста, может чуть выше, и задержал дыхание. Доски — толстые, потемневшие, с глубокой текстурой, в которой я видел годовые кольца. Железные петли — кованые, толщиной в два пальца, позеленев-

шие от патины. Вместо ручек висели кольца, тяжёлые, чугуновые, с головами львов, которые держали их в зубах. Я ухватился за одно кольцо, оно было холодное, шершавое от ржавчины, и от этого холода пальцы мгновенно занемели, кольцо вытянуло из них тепло за секунду. Потянул. Дверь не шевельнулась, хм, заперта, и петли даже не скрипнули.

На правой створке виднелся замок. Новый. Современный врезной замок в старой двери, кто-то заменил механизм, оставив дерево. Скважина узкая, под современный ключ. Это выглядело странно: снаружи — дуб, патина, кованые петли, львы с кольцами, а замок — такой же, как в любой московской квартире. Я достал связку. Длинный, старинный сразу мимо, скважина другая. Маленький точно не тот формат. Взял один из трёх одинаковых современных, вставил, и он вошёл. Мягко, глубоко, до упора. Три дубликата от входной двери. Отец рассчитывал, что я приеду, и рассчитывал, что могу потерять один. Или два.

Повернул ключ. Замок щёлкнул сухо, чисто, неожиданно легко для двери, которую, судя по всему, не открывали годами. Механизм работал. Значит, кто-то позаботился о том, чтобы он работал. Или замок был сделан так, что ржавчина его не брала. В мире с магическими красками и рунными печатями такое вполне возможно.

Здание тянулось в глубину участка, и за ним, обойдя взглядом правый угол, я разглядел ещё строения, скорее всего хозяйственные, низкие, полуразрушенные, утонувшие в

зелени до самых крыш. Конюшня? Каретный двор? Флигель для прислуги? Масштаб я мысленно сравнил с поместьем Виктории Карловой, которое видел своими глазами, совпадал. Может, даже превышал. Двадцать комнат? Тридцать? Я стоял перед зданием, которое по площади могло соперничать с княжеской резиденцией, и это здание принадлежало мне. Барону Крайонову. Который три месяца назад жил в однокомнатной квартире и считал каждую тысячу.

Юмор ситуации я оценил. Вселенная определённо развлекалась.

— Нихрена себе, — тихо сказал Женя.

Обернулся. Женя стоял у машины, рот приоткрыт, глаза на особняке. Княжеский сын, который видел поместья и дворцы с детства. И даже он стоял и пялился.

— Рома, — сказал он после паузы. Голос серьёзный, без обычного ехидства. — Если этот особняк не куплен. Если он принадлежит именно вашему роду...

— Ну, договаривай.

— Тогда ты из очень древнего рода. Такие вещи строили два-три века назад, когда дворяне получали земли от короны. Это родовая усадьба. — Он обвёл рукой здание, деревья, участок. — Такое не покупается. Такое наследуется. Из поколения в поколение. И если никто про это не знал, значит, кто-то очень старательно прятал.

Я промолчал, ответить было нечем. Человек из другого мира, в чужом теле, с чужими воспоминаниями, от которых

осталось процентов двадцать. Имя отца помнил, знал, что он мёртв, знал про письмо и шесть ключей. Остальное — тёмный лес. В прямом и переносном смысле.

— Я тебе рассказывал, — сказал я. — Память. Частичная потеря. Общие контуры помню, детали нет. В том числе про род, про дом, про всё это. — Я кивнул на особняк. — Для меня это такой же сюрприз, как и для тебя.

Женя посмотрел на меня долгим, оценивающим взглядом. Потом кивнул.

— Ладно. Тогда скажу то, что знаю. Такой особняк в этом районе, с таким участком, с такой посадкой стоит денег, которые я даже назвать боюсь. Я в недвижимости не специалист, но мой отец — да. И если он увидит это, — Женя ткнул пальцем в фасад, — у него глаза станут размером с колёса моей восьмёрки.

— Тогда пока не показывай.

— Пока нет. Но Ром, здесь тайны рода. Однозначно. Такое не прячут в лесу от спутников ради красоты.

Я толкнул дверь. Она подалась тяжело, нехотя, с глухим скрипом, который эхом ушёл внутрь и вернулся тишиной. Из темноты дохнуло сырым и каменным холодом, мурашки побежали по рукам, вверх, до самых плеч. Холод пах старым деревом, каменной крошкой и чем-то ещё, я втянул воздух, пытаясь разобрать. Воск. Старая бумага. И что-то живое, тёплое, спрятанное глубоко за этими каменными стенами, словно дом дышал, и дыхание его было ровным и тер-

пеливым. У меня волоски на предплечьях встали дыбом, и внутри, где-то между рёбрами, шевельнулось ощущение, которое я определил не как страх, а как узнавание. Тело помнило этот запах. Я — нет.

Женя подошёл, встал за моим плечом. Заглянул внутрь.

— Ну, — сказал он, продолжая оглядываться, — Вперёд?

Чешир протиснулся между моих ног и шагнул в темноту первым. Хвост стоял трубой, уши повёрнуты вперёд. Через секунду я услышал его тихую, серьёзную мысль, без обычного ехидства:

«Здесь ждали. Давно.»

Я шагнул следом.

Темнота внутри оказалась абсолютной, густой, вещественной. Такую можно раздвинуть руками.

Дверь за спиной медленно дотянула свой скрип и остановилась, оставив узкую щель на пороге. Из этой щели в холл протянулась полоска дня, легла на каменный пол и высветила то, что прятала темнота: пыль, гранитные плиты, тёмные деревянные панели, провалы коридоров по бокам. На языке осел вкус — сухая пыль, камень, время. Горло сжалось рефлексивно, и я сглотнул.

Чешир шёл первым, хвост стоял флагом. Остановился на середине холла, поднял голову, принялся. Потом развернулся, подбежал обратно и запрыгнул мне на плечо — когти цепко прошли по куртке, и в голове отпечаталось:

«Тут всё... спит. Но слушает.»

Спрыгнул и потрусил дальше, вглубь.

Женя шагнул внутрь за мной и первым делом уткнулся взглядом в потолок.

— Ого, — выдохнул он. — Тут можно баскетбол играть. Ром, это же... это же прям реально усадьба.

Хмыкнул и сделал ещё шаг. Подошва заскребла по крошке камня, песку, сухим листьям, занесённым ветром, и звук разнёсся по пустому пространству, отразился от стен, ушёл вверх. Холл забрал его и вернул тишиной. Я почувствовал себя мухой, которая залетела в банку.

Пол под ногами был сложен из каменных, крупных плит, уложенных ровно, без перепадов. В центре виднелся круг, выложенный другим камнем, светлее основного, с геометрией, которая держала взгляд. Когда-то тут, похоже, был узор, возможно, герб. Половину забрала грязь, половину — время.

Вдоль стен тянулись панели из тёмного дерева пропитанные чем-то, что держит влагу и годы, матовые, без лака. Между панелями — камень, такой же, как фасад: серый, с тонкими прожилками, похожими на трещины. Протянул руку и коснулся. Камень оказался тёплым, день прогрел стены, и это тепло шло глубоко, из толщи, не с поверхности. Под пальцами зернистость лишайника, который добрался сюда через щели. Живучая тварь — мох. Лезет везде, куда пускают свет и влагу.

Слева от входа стоял столик. Настоящий, старый, тяжёлый, столик с резьбой на ножках и боковинах. Резьба мастер-

ская: листья, ветви, и среди ветвей птица. Та же, что на фонтане. Только здесь она была чётче, подробнее. Крылья, перья, когти на ветке. Кто-то вырезал это с любовью или с обязательством, в таких вещах одно от другого отличить сложно.

На столике стояла ваза.

В другой жизни я бы сказал: «красивая». Здесь это слово не работало. Ваза выглядела как вещь, которую получают вместе с чьей-то смертью, предмет, который переживёт следующего владельца и того, кто придёт после.

Фарфор, тонкий, с чуть заметной сеткой кракелюра, золото по краю, ручная роспись — охота, лес, звери. Рисунок потускнел, краска кое-где легла неровно — ручная работа, не конвейер. Я наклонился ближе и уловил запах старого фарфора, и что-то сладковатое, что источала глазурь. В музеях так пахнет. В домах — только в тех, где вещи стоят на одном месте поколениями.

Женя подошёл, наклонился к вазе, едва не ткнувшись носом.

— В музеях такие видел, — сказал он тихо. — Ром, это... это денег стоит. Серьёзных. Вот она одна как моя восьмёрка.

— Твоя машина хотя бы на ходу, — ответил я.

Женя усмехнулся, взгляд оставался серьёзным, сдержанным, заполненным мыслями.

Тишина в холле давила физически, ощутимо. Звуки гасли, голос Жени звучал глуше, чем снаружи. Дом забирал всё

себе. У меня зазвенело в ушах от этой тишины, и я потряс головой, прогоняя ощущение.

Справа начиналась лестница. Две лестницы. Симметричные марши уходили вверх от центральной площадки, расходились в стороны и сходились на втором уровне, где шла галерея вдоль стен — балюстрада, и за ней в темноте угадывались двери.

Поднял голову. Люстра висела в центре, под самым потолком — тяжёлая, многорожковая, с чашами под свечи. И в этих чашах стояли лампы. Обычные. Электрические. Белые.

Кто-то взял старую люстру и переделал под современный свет. Провода спрятаны, металл цел, патроны подобраны с умом — осмысленная, дорогая работа, без «прикрутим патрон и пойдём». И от этой детали мне стало неприятно. Раздражающе неприятно. Дом мог быть заброшенным по фасаду, мог зарости, мог выглядеть мёртвым, но внутри кто-то вкладывался. Вкладывался с расчётом.

Цифры, которые лежали в голове камнями, зашевелились: полтора миллиона на счету. Письмо. Ключи. «Долги». «Самоубийство». Список складывался криво. Кривые списки имеют причину, и обычно в конце такой причины стоит человек.

Чешир прошёл под лестницей, свернул вправо, остановился у стены и уставился на одно место. Сел. Посмотрел на меня. Снова на стену. Снова на меня. Хвост стучал по камню — нетерпеливо, требовательно.

Подошёл к нему. Чешир тут же ткнулся лбом мне в ладонь, и в голове возникло:

«Туда. Там... щёлк. Свет.»

— Щёлк? — пробормотал я.

Женя поднял бровь.

— Ты с котом разговариваешь?

— Кот разговаривает со мной.

Пошёл к правой стене. Там, между панелью и камнем, обнаружилась узкая дверца — почти незаметная, под цвет стены. Ручка маленькая, латунная. Потянул — дверца открылась с тихим «тук».

За ней был щит. Старый деревянный шкаф снаружи, внутри — современность. Автоматы, счётчик, аккуратно проложенные провода. Сухо. Чисто. Пыли почти нет — кто-то закрывал дверцу, кто-то следил.

Рубильник большой, с металлической ручкой. Рядом подписи, и подписи меня зацепили: табличками, с буквами, выбитыми в металле. «Холл», «Галерея», «Крыло правое», «Крыло левое», «Подвал».

Слово «подвал» упало внутрь и отозвалось неприятным холодком в животе. В подвалы я обычно не лезу — до тех пор, пока подвал сам не начинает лезть в дело.

Женя подошёл, заглянул через плечо.

— Ого... Ром, это электрика как в нормальном доме. Счётчик новый. Автоматы новые. Это делали... ну, недавно. Относительно.

Взялся за рубильник «Холл». Металл под пальцами оказался сухим, холодным, и от этого холода по ладони прошло покалывание, как статика перед грозой. На секунду задержал пальцы, прислушался к себе. Тишина держалась.

Ручка пошла легко. Щёлкнула сухо, деловито, звук, который означает «работает».

Глава 3

Люстра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.